

**ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье описываются особенности склонения имен существительных в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области, обусловленные рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера, главными из которых являются степень сохранности исследуемых говоров и источники их происхождения.

Ключевые слова: старообрядцы, говоры, вариативность, региональный аспект, склонение существительных.

The article describes the specifics of first change of nouns in the dialects of Old believers (Semeiskie) Amur Region, conditioned by a number of factors of both linguistic and extralinguistic nature, the main of which is the closeness degree of interacting dialect systems.

Keywords: Old believers, dialects, variation, regional aspect, change of nouns.

Говоры старообрядцев (семейских) Амурской области относятся к группам русских говоров, распространенных на территориях позднего славянского освоения. В них сохраняются многие языковые особенности, ранее утраченные русскими переселенческими говорами.

В конце XIX-начале XX вв. старообрядцы переселялись в Амурскую область, главным образом, из Забайкалья, и до настоящего времени диалектные особенности их говоров во многом совпадают с чертами говоров старообрядцев Забайкалья [1, 2].

В процессе языкового развития под влиянием различных факторов как внешнего (миграционные процессы, преобладание носителей того или иного типа говора и др.), так и внутреннего характера (особенности внутрисистемных отношений языковых единиц, местные тенденции языкового развития и др.) старообрядческие говоры Амурской области сформировались в группы как очень близких между собой говоров, так и говоров, имеющих значительные различия. Так, на диалектной карте Приамурья можно выделить семейские говоры Свободненского и Белогорского районов, которые при существенной схожести демонстрируют различия на разных уровнях языковой системы, в том числе на морфологическом.

Говоры семейских Свободненского района (села Заган и Желтоярово) принадлежат к одному из типов традиционных старообрядческих говоров, бытующих в Амурской области. Села образованы выходцами из Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа Забайкальской области Российской империи, а именно из сел Большой Куналей, Новый Заган и Тарбагатай. На протяжении длительного времени в этих селах практически не было миграции.

Численность потомков первых переселенцев здесь достаточно велика – до полутора тысяч человек. В этих селах до сих пор поддерживаются традиции забайкальских семейских на уровне обряда и быта как в среде самых пожилых носителей говора (самый старший информант 1917 г.р.), так и диалектоносителей старшего и среднего возраста – рожденных в 30-40-е гг. XX в. Сохранению диалектных особенностей говоров семейских способствовали браки с белорусами, в говоре которых фиксировались сходные черты.

Села Новоандреевка и Ключи Белогорского района были основаны семейскими из сел Верхне-Удинское (сейчас г. Улан-Удэ) и Десятниково. До революции жители этих сел имели непосредственные связи с семейскими других старообрядческих сел, расположенных вблизи: Натальино Благовещенского района, Москвитино Свободненского района (правый берег реки Зеи), и Никольская (сейчас Никольское) Белогорского района. Всё это были старообрядческие села, образованные семейскими из Забайкалья. В 50-е гг. в Новоандреевку приехали и поселились на самом краю села две семьи украинцев, а в конце 80-х гг. подселились еще три семьи из соседнего села Великокнязевки. До сих пор с потомками украинцев коренные андреевцы практически не поддерживают хозяйственно-бытовых отношений.

В селе Ключи на протяжении всей истории его существования подселения не было, однако параллельно с семейскими из села Десятниково оно заселялось старообрядцами из Пермской губернии, ранее проживавшими в Керженецких скитах Нижегородской губернии. Мы предполагаем, что до переселения на Ветку, а потом в Забайкалье и Прикамье эти старообрядцы могли быть выходцами с одной материнской территории. После исхода из Керженецких скитов их миграционные пути разошлись: одни могли уйти в Забайкалье, другие – в Прикамье. Одновременное переселение на Дальний Восток объясняется стремлением к прочному сохранению семейно-родственных связей у этих двух ветвей старообрядцев [3, с. 627-642].

Говоры сел Десятниково, Новый-Заган и некот.др. подробно описаны в работах ученых Бурятского государственного университета [4, 5]. Мы имеем возможность синхронного сравнения старообрядческих говоров республики Бурятия и Амурской области, а также сравнения с говорами Европейской части России по данным Диалектологического атласа русского языка [6].

В статье исследуются особенности склонения имен существительных в старообрядческих (семейских) говорах Амурской области, ранее не являвшиеся предметом специального изучения.

В семейских говорах имена существительные распределяются по трем типам склонения в зависимости от принадлежности к тому или иному роду, однако фиксируются существенные отличия от склонения имен существительных в русском литературном языке, главным образом, у существительных I склонения. Остановимся на вопросе о переходе имен существительных в I склонение, а также на особенностях формообразования имен существительных I, II и III склонения.

Яркой особенностью говоров семейских является расширение класса существительных I склонения за счет существительных III склонения.

При переходе в I склонение существительные, относящиеся в литературном языке к III склонению, приобретают флексию *-а* в форме И. п.: *цёрковь* – *цёрква*; *постель* – *постеля*; *дверь* – *дверя*: «Раньше *цёрква* была. И ходили молиться Богу в *цёркву*. Ага, всё разрушили,

иконы валялись, прямо по земле валялись иконы, валялися по земле. Потом в этом же, в **церквѣ**, клуб сделали, ходили плясали там»; «Тятя бы(в)ало, ешли хто умрѣть, боялись... ня знаю как, пойдѣть, отчитаеть, (в) **цѣркеу-то** не ходили»; «**постѣлю** потом стялила»; «**двѣря** была жѣлтая, страшная». Такой переход в говорах Центральной России отмечается чрезвычайно широко [6, карта 9].

Укажем на конкретные проявления этого процесса.

1. В говоре наблюдается конкуренция существительных *мать* – *мáтка*, *мáтеря*; *дочь* – *дóчка*, *дóча*. Как и в говорах семейских Забайкалья [4, с. 90], во всех старообрядческих говорах Амурской области более употребительны лексемы, относящиеся к I склонению, с флексиями *-а/-я*. Однако в белогорском говоре из ряда слов *мáтка*, *мáтеря*, *дóчка*, *дочкá*, *дóча* чаще употребляются *мáтка*, *дóчка*, *дóча*. В отличие от свободненского говора вариант *дочкá* практически не употребляется, по-видимому, при отсутствии поддерживающего влияния белорусского языка.

Хотя исследователи и отмечают, «что формы с основой *матк-*, *дочк-* первоначально возникли на территории говоров современного белорусского языка и тесно примыкающих к ним западных говоров русского языка, откуда они впоследствии распространялись в северном и северо-восточном направлении» [7, с. 73], однако в настоящее время распространение форм I склонения фиксируется и во многих других говорах: в северо-западных и юго-западных, в отдельных говорах северо-востока и др. [6, карта 9; 8, с. 167], что, возможно, свидетельствует об общих тенденциях, происходящих в говорах разных типов.

2. В форме Т. п. многие существительные III склонения ~~крайне~~ редко, но имеют варианты окончаний I склонения: *дóчью* (*дóчерью*) – *дóчей*, *нóчью* – *нóчей*, *мышью* – *мышей*, *жízнью* – *жízней*: «*Это просто они интересуются старыми, жízней нашей*»; «*Щас все позабывала с этой болѣзней, ёшкин*»; «*Я помню у нас тоже вот так палочки были, как в мяшке, мешковины были, в два-три раза они сделали, ну, провалится же рябёнок и разобьѣтся, а она е(сть) высóко, к кровати, над кровáтей*»; «*За дóчей давай посмотрию*».

В Д. и П. падежах (иногда и в Р. п.) у существительных III склонения окончание *-е* является ударным: «*Ну, одному в няделю короў доить, одному хлеб в **пячѣ** печь, другому полы мыть, третьтему в огороде там. Ну, всё по порядку было*»; «*Ухваты были, этот с **пячѣ** вытаскывали. Сквородник был, с русски печки, что там с русски **печѣ***»; «***В стянѣ** мы ня жили*». Ударное окончание в Р., Д., П. падежах у существительных III склонения и существительных продуктивного типа I склонения отмечается в юго-западных говорах и примыкающих к южному наречию среднерусских говорах, в том числе псковских и новгородских по границе с Белоруссией [6, карта 76]. Отмечена эта особенность и в говорах семейских Забайкалья [4, с. 89].

3. В свободненском говоре слово *мышь* имеет специфические особенности склонения, обусловленные родовой принадлежностью. Так, в говоре оно может принадлежать и к м. р. и к ж. р.: *мышь пришла* – *мышь пришѣл*. В ж. р. имеется тенденция к переходу слова *мышь* из III склонения в I тип склонения: ударное окончание *-е* в Д. и П. падежах свидетельствуют о сближении I и III склонения.

Ударное окончание в Р., Д., П. падежах у существительных III склонения и существительных продуктивного типа I склонения отмечается в южнорусских говорах и примыкаю-

щих к ним среднерусским. Особенно распространено оно в юго-западных говорах [6, карта 76]. Свойственно это явление и говорам семейских Забайкалья [4, с. 89].

В отличие от свободненского семейского говора существительное *мышь* в белогорском говоре относится только к ж. р. Однако и в этом говоре отмечается тенденция к переходу слова *мышь* из III склонения в I склонение, о чем свидетельствует ударное окончание *-е* в Р. и П. падежах: «Только **о той мышё** не надо вспоминать»; «У **мышё** по десять штук быва(е)т»; «**На мышё** пятно был жёлтый».

В Т. п. частотна форма *с мышэй*, характерная для юго-западных говоров южного наречия, «за исключением ее юга, и псковской группы среднерусских говоров» [6, карта 21; 9, с. 15]: «*Мяшóк вместе с мышией принесли*».

4. В говорах наряду с существительным *свяхрóвь* употребляется и существительное *свяхрúха*, относящееся к I склонению. Существительное *свяхрúха* распространено в южно-русских говорах, в Восточно-Могилевской группе говоров белорусского языка, примыкающих к западной группе русских говоров [6, карта 89; 10, карта 90]: «*Свяхрúха хороша была*»; «*У свяхрúхи нас пять нявесток было*»; «*Свяхрúха рано умярла*».

5. Существительные на *-ушк-* и *-шик-* (*дедушка, парнишка, мальчишка* и под.) в обеих группах говоров относятся к I склонению. Однако в свободненском говоре в форме Т.п. такие существительные имеют флексию II склонения: *с дедушком, с парнишком, с мальчишком*, что является распространенной особенностью говоров южного наречия, западной группы говоров и среднерусских говоров [6, карта 23].

В белогорском говоре в форме Т.п. отмечается только флексия I склонения: *с дедушкой, с парнишкой, с мальчишкой*, что не свойственно говорам западной группы, а является особенностью говоров южного наречия и среднерусских говоров [Там же].

6. При общей тенденции к расширению класса существительных I склонения за счет существительных III склонения в белогорском говоре отмечены случаи перехода существительных I склонения в III-е: *качэля – качэль; нядэля – нядэль; простыня – простынь*: «*Белик Назывался веник так, которым бялили, а потом решетка такая, сетка и пошел. У нас такие были, и потом – жёлтый. Ну, тогда нядэль целую бялили*»; «*Я так всю нядэль околдованный хожу*»; «*Качэль потом была на дереве*»; «*Завернули её и в гроб, прóстынью*».

В процессе изучения старообрядческих говоров были отмечены следующие особенности формообразования имен существительных I склонения.

1. В свободненском говоре имеется тенденция к выравниванию места ударения в косвенных падежах и возникновению парадигмы склонения у двусложных существительных I склонения с неподвижным ударением на окончании: *взяла за ногú, пошла по водú, закопали в землю/, больно руку́*, – что имеет распространение в говорах Западной диалектной зоны и зафиксировано в говорах старообрядцев Бурятии [11, с. 100; 12, с. 256; 7, карта 108; 4, с. 85-86].

В белогорском говоре эта тенденция отмечается реже: «*Она вот так бярёть и даёть в рукé, ни чистой посуды нет, он как зафинтирил эту бадью/ с водой*»; «*Вот он наложит её целу горсть за шишеку́ и трубку покурит ешишо*»; «*на одну ногú (в)от так (в)от, заматала, и на другую так ногú также заматала*»; «*А шишас у нас печка такая, сделанная, с трубой, в эту печку, ну, приваренная труба, а тут вода, водú наливали, и вот она, внизу топка, и в эту*

топку (в)от дрова, а сюда **воду́** наливаем, шес(т)ь, семь вёдер влазит, и пожалуйста. Да, **воду́**; «Тут пропарю, тут пропарю, и вот **воду́** спустила, но затем мазала стрептоцид маслом»; «Если пятух насънёт **воду́** пить, знасить, будеть муж у них пропоица. Если будеть клявать зярно, так, эт(о) самое, то, значить, работающий будеть».

2. У имен существительных I склонения с основой на твердый согласный в форме Р., Д., П. падежей с предлогом и без предлога употребляется преимущественно окончание *-е*: «Атласы были у **ма́ме** такие, ну, не только у **ма́ме**, наверно, еще у кого были, ну я знаю у **ма́ме** это было»; «Кохты, у **ма́ме** была малиновая такая кохта расшитая, так она сама делала. Долго хранилась у старшей **сястрé** и нет, она тоже здесь же помярла»; «Серёжки у **ма́ме** были, у **ма́ме** серёжки, это, золотые, ляжали в яшишке, тоже-ть украли»; «Только у **ма́ме** были атласы, атлас был, дак красиво»; «Раньше у нас много было, у **ма́ме** молоко, у них садится молоко лучше»; «Это икона моей **ма́ме**, бабушки, потом ещё пробабушка»; «у **сястрé** жила потом, у **ма́ме**»; «А это, он его взял, это к **тётке Ари́не**, это, у него было, это, он, видать, приобрёл, с каноньерки принес и унес его в дом, в **пéчте** ляжал потом»; «На **пéчте** мама мене родила, ничё же, здоровая»; «С тех пор **сястрé** моей ня стало, ляжить она ў воде рячной»; «Причём она одетая, она **на зарé** же поехала поездом».

Система падежных противопоставлений в этом типе: И. – В. – Т. – Р., Д., П. падежи, т.е. противопоставлены четыре падежные формы.

Окончание *-е* в формах Р. п. свойственно многим южнорусским и среднерусским говорам. В настоящее время флексия *-е* в формах Р., Д, П. падежей функционирует и в северо-восточных и северо-западных говорах [6, карта 1], однако ранее была распространена на более обширных территориях Центральной России [13, с. 202-203].

В белогорском говоре в Р., Д., П. падежах отмечаются и формы с флексией *-ы/-и*: «Никого ня стало, из людей старых никого нет, кроме **бабы Шуры Зайцевой**»; «И щас вот я была у **бабы Тани** в Благовеценске»; «И тут один момент – я до **Иры** переезжать»; «Она чашку **воды** возьмёт, выливает и говорить: Чё там?»; «Горячей водой зальешь, оно постоит, замлеет, а потом стакан **воды** холодной вмешаю и дрожжи туда»; «Кадка такая, полную **воды** наливает – крестит»; «а у **мамы** было много нас»; «У **мамы** был крест большой, вот такой у **мамы** крест положили»; «Отес умер. Иконы зашили в мяшочек, ў **могилы** закопали»; «Посуда здесь есть, с **бересты** здесь не делали у нас»; «Головушка болеть не будет. А сейчас людей мало таких, никто ничего, ни одной **молитвы** не знают»; «Я **сястры** долго писала потом»; «В **комнаты** ничего не было совсем». Флексия *-ы/-и* в форме Р. п. свойственна многим севернорусским говорам, в формах Д. и П. падежей, главным образом, северо-западным говорам [6, карты 1, 2]. Известно это явление и переходным говорам, сложившимся на основе севернорусских [14, с. 45], широко распространено в некоторых старообрядческих говорах [7, с. 132; 15, с. 43; 4, с. 85-86].

Таким образом, в говоре семейских Белогорского района можно наблюдать неразличение флексий Р., Д., П. падежей существительных I склонения. А.В. Тер-Аванесова назвала такую систему склонения «южнопсковской», которая имеет распространение в южных районах Псковской, юго-западных – Тверской и на северо-западе Смоленской областей [16, с. 185; 6, карты 1, 2]. По мнению О.М. Козиной, эту систему следует считать архаической особенностью, «которую необходимо рассматривать как исконную черту, сохранившуюся в

условиях междialeктного взаимодействия и наряду с другими особенностями свидетельствующая о происхождении говоров» [4, с. 87].

Были отмечены особенности формообразования существительных II склонения.

1) В Р. п. неодушевленных существительных мужского рода единственного числа с ударением на основе преобладает флексия -у, окончание -а практически не употребляется: «*Лёсу много сплавляли*»; «*Молитву читаю от сглазу*»; «*Хохоту столько, смеху*»; «*Вот мы пели на день молодежи, вот мы пели, дали жáру*»; «*Лёску было, всё чтоб новенько было*»; «*У нас полна хата дыму*»; «*Сёдня взяла йбгурту, а дед не стал есть: «А не нравится»*»; «*Нарóду, ну, нарóду здесь столько было*»; «*Пойдёмте до брата*»; «*Стакáна у меня этого нет*».

Данная особенность реализуется в различных группах говоров без четкой дифференциации [11, с. 67-71; 17, с. 67-71].

2) В П. п. ед. ч. существительных м. р. и ср. р. с основами на парные по мягкости сонорные и шумные, заднеязычные, шипящие и ц отмечается расширение функции окончания -у по сравнению с литературным языком у одушевленных и неодушевленных существительных как с односложной, так и двусложной основами, независимо от места ударения в слове: «*А поросята на плоту́ плавали один раз*»; «*Да на берегу́ там где-нибудь*»; *Голова болит, в глазах чернота ходит, в глазах, в глазу́, вот этим*; «*Были бури всякие разные, снегу было много, в снегу́ всё было*»; «*Где боршиша сварю, где салату сделаю свеженького. В салату́ помидорка, огуречики*»; «*Вчара солёных даже огуречикав, помядорчиков, так с рядиски сделала салатик, майнезу в салату́ было. Ну и всё, и-и наелись, ну*»; «*И я вот тярпела до обеда, на парниках уже женищины, у парнику́*». «*Вот эта вот Пятрова Маня нясла, вот там (в)от на углу́ края дом*».

Реже, но употребляется окончание -е. В речи одного информанта могут употребляться обе формы: «*А мяне дятей не было, мне одного мужа на фронте убили, за второго, за фр(он)т(ов)ика вышла, тоже пожил нямножко, лёгкими заболел, был на фронте, да и всё. И (в)от одна так и родители были, родители, отца похоронила и мать похоронила, всё в этом дому́*»; «*Так и с мятеукой ходила, дворником, ключи ў кармане были*»; «*Есь ружьи, в огорóде у нас ружьи, видите; «ткань эту берёшь в магазíне и шьёшь*».

Данное явление отмечено во многих южнорусских говорах, в говорах забайкальских семейских, в сибирских говорах [4, с. 89; 5, с. 89; 9, с. 55; 7]. Однако в белогорском говоре флексия -у преобладает в употреблении над флексией -е в П. п. ед. ч. существительных м. р. и ср. р. по сравнению со свободненским говором семейских.

3) Существительные на -мя в большинстве случаев склоняются по II склонению: «*А батя всё время́ работал, на коне ездил*»; «*Ира, она ж тоже знает, они всё время́ про какую-то пташку пели всё*»; «*У нас в Андреевке два ймя́ таких, ни у кого больше таких не было*»; «*У русских-то нету такого ймя́*»; «*Сколько время́?*»; «*Время́ такого значения не при-давали, вре́мем не дорожили*»; «*Сейчас я о вре́ме не думаю*».

Унификация склонения существительных на -мя отмечена в говорах старообрядцев других территорий: Забайкалья, Белоруссии, Прибалтики, Польши [4, с. 91; 14, с. 150; 15, с. 43]. Однако в белогорском говоре это явление представлено уже, чем в свободненском говоре: в текстах религиозного дискурса при склонении таких существительных сохраняется

суффикс *-ен-*: «*Именем Твоим*»; «*Крѣстним зна́менем осенил их*»; «*Тем врѣменем Андрей поймал рыбу, но не рыбу – знак*».

Таким образом, в семейских говорах наиболее продуктивным является I тип склонения существительных: он характеризуется синкретизмом форм Р., Д., и П. падежей; в косвенных падежах отмечается выравнивание места ударения, что ведет к возникновению именной парадигмы с неподвижным ударением на окончании. Расширение класса существительных II склонения происходит, главным образом, за счет существительных на *-мя*. Подобные особенности склонения существительных в единственном числе отмечаются во многих старообрядческих говорах, многих южнорусских говорах, граничащих с белорусскими говорами, а также в некоторых переселенческих говорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Н.Г. // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. 2013. Вып. 1. С.70-81.
2. Архипова Н.Г. Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 30-33.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. 976 с.
4. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Бурят. научн. центр СО РАН, 2006. 165 с.
5. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
6. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II: Морфология. Карты. М.: Наука, 1989. 166 с.
7. Орлова В. Г. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука. 456 с.
8. Сологуб А.И. О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 164-171.
9. Теплова В.Н. О склонении существительного *мышь* в говорах русского языка // Русские диалекты: (Лингвогеографический аспект). М.: Наука, 1987. С. 14-21.
10. Дзялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1963. 353 с., карты.
11. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. 170 с.
12. Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 294 с.
13. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 328 с.
14. Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл./ Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. 16 с.
15. Грек-Пабисова И., Мартыняк И. Русские старообрядцы в Польше и их говор // Диалектологический сборник: Материалы IV Диалектол. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь, 1972). Вильнюс: Наука, 1974. С. 35-42.
16. Тер-Аванесова А.В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных а-склонения // Восточнославянские изоглоссы. 1998. М., 1998. Вып. 2. С. 183-187.
17. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. 234 с.